

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО

© 2008 Г.А.Хайрутдинова

Казанский государственный университет

В статье рассматривается проблема отражения категории комического в художественной речи. Основу предложенного автором таксономического описания морфологических средств русского языка составляют следующие способы создания комического: использование омонимии и смежных с ней явлений, обыгрывание значений одной и той же языковой единицы, повторение слова в разных грамматических формах (полиптих), отклонение от языковых норм.

Категория комического издавна привлекает внимание представителей различных научных областей – философов, литературоведов, лингвистов. Большую часть исследований, в которых рассматривается проблема лингвистических механизмов создания комического, составляют труды общелингвистической направленности или работы, посвященные анализу лексических, словообразовательных, синтаксических средств языка. Морфологические средства отражения комического еще не были предметом системного анализа. Некоторые аспекты обозначенной проблемы затрагивались в исследованиях Ю.Б.Борева, В.В.Виноградова, И.Б.Голуб, А.И.Ефимова, Е.А.Земской, И.А.Ионовой, В.П.Ковалева, Н.А.Купиной, Б.Ю.Нормана, В.З.Санникова, А.И.Федорова. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшем более полном, всестороннем освещении.

Проведенное нами исследование морфологических средств отражения категории комического позволяет выявить следующие способы их использования в художественном тексте.

1. Использование омонимии и смежных с ней явлений. Вопрос об определении омонимов и их таксономическом представлении в отечественной лингвистике решается довольно противоречиво (см. работы Ю.Д.Апресьяна, О.С.Ахмановой, Л.А.Булаховского, А.Н.Гвоздева, Н.П.Колесникова, А.И.Смирницкого, Д.Н.Шмелева). Нуждается в уточнения и вопрос о границах омонимии и смежных с ней явлений. Представляется, что при рассмотрении этого вопроса наиболее целесообразен подход В.В.Виноградова, считавшего недопустимым смешение омонимов с разнообразными типами омофонии: «Омофония – поня-

тие гораздо более широкое, чем омонимия. Оно охватывает все виды единозвучий или созвучий – и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях. Термин «омонимия» следует применять к разным словам, к разным лексическим единицам, совпадающим по звуковой структуре во всех своих формах»¹. Итак, к полным (абсолютным) омонимам относятся слова, обладающие одним и тем же общим морфологическим значением, совпадающие с точки зрения звучания и написания во всей совокупности своих словоформ и различающиеся по своему лексическому значению (ср. сходное определение)².

Эстетическую мотивацию может иметь совпадение в звучании разных грамматических форм полных омонимов. Так, в следующем далее фрагменте стихотворного текста рифмующиеся строки содержат две одинаково звучащие языковые единицы: форму винительного падежа множественного числа существительного *станица*¹. 'большое казачье селение' и форму родительного падежа единственного числа субстантива *станица*² 'стая'³. Например: *Журавлиные станицы / Гонит времени опала. / С тополей вблизи станицы / Желтая листва опала.* (Я.Козловский. «Осень»). Полные омонимы используются здесь с целью реализации функции языковой игры: они ориентируют читателя на опреде-

¹ Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 4–6.

² Вороничев С.В. Об омонимии и смежных явлениях // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 45.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 762.

ленный эмоциональный настрой, придавая шутливое звучание всему стихотворению.

Возникновение комического эффекта может быть обусловлено смежными с омонимией явлениями, которые (по В.В.Виноградову) целесообразно рассматривать среди случаев омофонии. Одним из случаев омофонии является использование грамматических омонимов. В лингвистической литературе принято разграничивать две разновидности грамматических омонимов (омоформ): слова одной и той же части речи, у которых совпадают по звучанию лишь отдельные формы, и совпадающие в звуковом составе слова разных частей речи.

Пример первого типа содержится в шутливом стихотворении Б.Заходера «Насчет икры». Здесь в смысловом фокусе оказываются два омонимичных существительных: слово *икра*¹, которое может быть понято в значении 'масса неоплодотворенных яичек рыбы, обработанная как пищевой продукт', и субстантив *икра*², реализующий значение 'округлая мышца на голени человека'⁴. Первое существительное в литературной речи имеет форму только единственного числа, тогда как для второго субстантива возможна оппозиция по числу: *икра-икры*. На своеобразной игре лексических и грамматических значений этих омонимов строится интенция автора: *Не странно ли? / У рыбы – осетра / Нет вовсе икр, - / А все же есть икра! / Зато у нас, / Уж как мы ни хитры, - / Есть две икры – / Но часто нет икры...*

Совпадение в звучании отдельных форм разных частей речи (вторая разновидность грамматических омонимов) представлено главным образом в так называемых каламбурных рифмах, которыми пользовались многие поэты XIX – XX веков: А.Пушкин, П.Вяземский, Д.Минаев, Э.Кроткий, Я.Козловский, Ю.Левитанский, О.Григорьев и др. Например: *На пикнике, под тенью ели / Мы пили более, чем ели, / И, зная толк в вине и в эле, / Домой вернулись еле-еле.* (Д.Минаев); *Я себя проверяю на крепость: / Компромиссы – какая напасть! / Я себя осаждаю, как крепость, / И никак не решаюсь напасть.* (Л.Филатов. «Компромисс»); *В морг отправлен правый*

крайний, / Этот случай, правда, крайний. (О.Григорьев. Поэма «Футбол»).

В прозаической речи грамматические омонимы, в том числе рассматриваемой разновидности, используются довольно редко.

С целью достижения комической реакции сближаются слова, в чем-либо сходные по своему звуковому составу. Случаи подобного сближения языковых единиц в тексте составляют одну из наиболее употребительных разновидностей омофонии. В пределах данного приема принято различать нарочитое соединение однокоренных, семантически не разошедшихся лексем, и неродственных слов, звуковое подобие которых имеет случайный характер. Нарочитое использование в одном контексте родственных слов, относящихся к разным частям речи (так называемый корневой повтор), – традиционный прием порождения комической реакции в произведениях юмора и сатиры: *Чем переводчик опечален? / Оригинал – оригинален!* (М.Шехтер. «Брат переводчик»); *Прошли века, и мы заметили / природы двойственный урок: / когда порочны добродетели, / то добродетелен порок.* (И.Губерман. «Прошли века, и мы заметили...»); *А он-то, Дмитрий Наумыч, депутат советский, доходит до меня мелким ходом и здороваются.* (М.Зощенко. «Пациентка»); *Поздравляю вас с самыми покупающими в мире покупателями, которым можно продать все, что угодно! Ура!* (В.Гречанинов. «Кусочек монолита»).

Ложное этимологизирование как способ создания смешного часто используется при намеренном соединении в тексте половых квазикоррелятов (термин М.А.Кронгауза) типа *баран – баранка, гранат – граната, датчик – дата, зам – замша, куб – кубышка, пастух – паста, осел – оса, свинец – свинья* и т.д. Приведем примеры нарочитого соединения квазикоррелятов в составе целого текста: *Улетает Селезень / В дальнюю сторонку - / За морями Селезень / Ищет селезенку... / Что ж ты ищешь, Селезень, / В том краю далеком? / Селезенка, Селезень, / У тебя под боком!* (Б.Заходер. «Селезень»).

Обыгрывание звукового сходства онима с нарицательным существительным (или словом, относящимся к какой-либо другой части речи) нередко встречается в эпиграммах. Один из вариантов использования названного приема, заключающийся в индивидуально мотиви-

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 244.

рованном сближении слов на основе их частичного звукового подобия, способствует созданию иронического подтекста: **Усилия Василия / Осилить был не в силе я.** (А.Раскин. Эпиграмма на Василия Ардаматского).

Как отдельную разновидность омофонии логично рассматривать игру звуковым сходством целого слова и части другого слова. Иногда совпадающие по звуковому составу языковые элементы представляют собой одну и ту же морфему: *Чем хуже зрение, тем лучше мировоззрение.* (Б.Крутиер).

2. Обыгрывание значений одной и той же языковой единицы. С расчетом на комическую реакцию может быть использовано одно и то же многозначное слово, парадигма которого определяется актуализацией того или иного лексико-семантического варианта. Так, в одном из стихотворений Б.Заходера обыгрываются следующие два значения слова *интерес*: ‘особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, узнать, понять’ и ‘нужды, потребности’⁵. В первом своем значении данная лексема употребляется только в единственном числе, а во втором значении – лишь в форме множественного числа. Благодаря высвечиванию этих особенностей лексико-семантических вариантов многозначного существительного и возникает ироническая окраска следующего стихотворения: *Будь одарен, как Бог, / умен, как бес, - / Ты не дождешься славы / (То есть, прессы). / Нет, милый! / Чтобы вызвать интерес – / Затронуть нужно чьи-то интересы.* (Б.Заходер. «Слава»).

Реже обыгрываются значения падежных или предложно-падежных форм. Каламбурный характер приводимого далее изречения Э.Кроткого обусловлен игрой объектным и обстоятельственным значениями субстантива в форме творительного падежа с предлогом *с*: *Пожарный всегда работал с огоньком.*

3. Повторение слова в разных грамматических формах (полиптон). Игра падежными формами собственного имени – фамилии писателя Н.Вирты – составляет важный прием композиционного развертывания текста в эпиграмме А.Безыменского «По всем падежам». Применение полиптона является здесь и одним из источников формирования комиче-

ского впечатления: *Сказал нам драматург Вирта, / Что он не мог разинуть рта, / Что для несчастного Вирты / Все двери были заперты, / А потому к нему, к Вирте, / Пришли теорши не те, / Заставив бедного Вирту / Менять воззренья на лету. / Но он, обманутый, святой, / Остался гением Виртой, / И мненья в должной остроте / Нельзя сказать о нем, Вирте.*

Подметив, что интересные и полезные по своей сути мероприятия, проводившиеся в свое время для советских детей, иногда страдали излишним педантизмом и заорганизованностью, З.Паперный в одной из своих литературных пародий описывает проведение школьной читательской конференции. К средствам сатирического изображения методиста, ведущего это мероприятие, следует, в частности, отнести игру личными формами глагола *любить*. Названный прием особенно наглядно показывает бездарность, профессиональную беспомощность школьного педагога. Приведем фрагмент ее заключительных слов: *Мне осталось добавить немного. Мы не просто книгу проходим, повторяем, читаем, листаем, почитаем, мы ее... Что ребята? Ну-ну? Мы ее... Что? Ну-ну-ну. Смеется. Мы ее лю-би-м-м! Какую именно книгу надо любить – конкретные примеры должна была бы привести Зоя, но она заболела. Итак – я люблю книгу, ты любишь книгу, он ее любит, мы ее любим, они ее не любят!* Аплодисменты. Все встают и уходят. («Читайте же, дети!»).

В связи с изучением полиптона несомненную ценность представляет вывод Р.О.Якобсона о том, что современным западноевропейским языкам приемы такого рода совершенно чужды, поскольку в них практически отсутствует склонение⁶. Тем самым приоритет отдается флективным языкам, в которых доминируют синтетические способы отражения морфологических значений. Современный русский язык с его развитой системой словоизменения, в том числе в сфере грамматической категории падежа, служит ярким подтверждением данного тезиса.

4. Отклонение от языковых норм. 4.1. Нарушение морфологической нормы. Не-

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 249.

⁶ Якобсон Р.О. Основа славянского сравнительного литературоведения // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 31 – 32.

редко отступление от морфологической нормы обусловлено нестандартным толкованием парадигматических границ лексемы. Как известно, в лексическом фонде русского языка имеются глаголы с недостаточной парадигмой лица и числа. Для решения определенной художественной задачи писатель может употребить грамматическую форму, отсутствующую в парадигме слова, что является нарушением морфологической нормы так называемого императивного типа. К этому приему прибегает Ф.Кривин в рассказе-притче «Глупый король». Улыбку у читателя вызывает и то, что глупость короля в явной форме сводится лишь к его недостаточным познаниям в области грамматики – из-за ненормативного употребления глагольных форм типа *ерунжу*:

– *Сколько раз я ему предлагал похорошему отдать мне королевство, – жаловался король умной жене. – Но он отвечал, что я ерунжу, что в случае чего я очучусь в незавидном положении. Но теперь я его убежу не словами, а превосходящей живой силой и техникой, я обезлблю его королевство!*

В арсенале средств создания смешного следует также назвать нестандартное образование грамматической формы какой-либо лексемы. Ряд подобных примеров использован в юмористическом монологе М.Задорнова «Без бумажки», содержащем карикатурную пародию на речь одного из политических лидеров страны конца прошлого столетия: *Товарищи! Несмотря на ответственное выступление, буду сказать без бумажки. Всем нам урок грамотной речи сейчас даду!*

К сфере нарушения норм употребления языковых единиц относится усечение конечной части слова (словоформы). Данный прием остроумно обыгрывается в сказке Е.Шварца «Тень» – отсутствие конечной части у некоторых слов, используемых на «тайном» заседании высоких чинов обусловлено тем обстоятельством, что министры способны «понимать друг друга с полуслова». Например:

Министр финансов: *Надо его или ку, или у.*

Первый министр: *Да, другого выхода нет.*

Министр финансов: *В городе обо всем этом уже проню?*

Юмористическое впечатление производит отклонение от грамматических норм упот-

ребления служебных частей речи. Известно, что служебные слова, в том числе предлоги, в отличие от знаменательных частей речи, не обладают способностью к отдельному номинативному употреблению, не могут самостоятельно распространять синтагму или словосочетание, после них невозможна пауза в составе речи и т.п. Несоблюдение связанных со спецификой предлогов грамматических стандартов их использования придает тексту комическую окраску: *...я надеюсь, что чувство юмора, присущее сотрудникам НИИКАВО, останавливает их в стремлении возбудить литературно-критическое преследование за диффамацию, дискредитацию, дезинформацию и отрыв от.* (А. и Б.Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу»).

В рамках обозначенного способа создания комического эффекта можно рассмотреть прием намеренного изменения частотности использования слов той или иной части речи. Намеренный отказ от всех частей речи, кроме глагола, придает комическое звучание монологу В.Чудодеева «Глаголы женского рода»:

Бросилась одеваться. Влезла, накинула, стала напяливать – не лезет, забыла раскрутиться. Ринулась – заперто, бреется. Забаранила. Вытолкала, плеснула, мазнула, чесанула. Наказала разбудить, накормить, провредить. Чмокнула. Выскочила. Помчалась.

Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Светло. Разжсимается. Закричала. Помогли – поднажали, втиснули. Доехала. Продралась. Выскочила. Оступилась, отломила. Выругалась. Обернулись. Заковыляла. Звенит! Поскакала. Скинула, схватила, побежала, ворвалась, оттолкнула, проскочила. Отлегло!

Всего в рассказе использовано 370 слов, среди которых глаголы составляет 352 единицы (95,14 % по отношению к общему количеству лексем). Анализ показывает, что данное соотношение языковых единиц во много раз превышает как общий показатель функционирования глаголов в речи (17,12 %), так и частотность употребления глаголов в художественной прозе (18,96 %) ⁷. Насыщение текста глаголами, усиливающими динамику сюжета, позволяет автору в нестандартной форме передать свою рефлексию по поводу нелегкой

⁷ Частотный словарь русского языка: Ок. 40000 слов / под ред. Л.Н.Засориной. – М.: Рус. яз., 1977. – С. 927.

доли современной женщины. Эстетическая энергетика текста состоит также в том, что писатель, намеренно отказываясь от употребления других частей речи, оставил некоторый простор для фантазии, сотворчества читателя, который получает удовольствие от своего умения извлечь всю гамму референциальных и прагматических смыслов из текста, составленного при помощи нарочито обедненного инвентаря.

4.2. Употребление архаичных грамматических форм. Писатели, работающие в жанре сатиры и юмора, нередко применяют архаичные средства выражения грамматических значений. Например, в юмористическом монологе М.Задорнова «Люблю отчизну я...» комический эффект обусловлен не только употреблением словоформы женского рода вместо нормативной формы среднего рода (поскольку аббревиатура СНГ – среднего рода), но и заменой ее на устаревший вариант, что вызывает в сознании читателя оборот «*всёя Руси*» и соответствующие культурно-исторические и эстетические смысловые ассоциации: *И конечно, главный праздник всёя СНГ – 7 ноября. День памяти празднования годовщины Октябрьской революции.*

В эпиграмме А.Архангельского на Л.Авербаха использована форма древнерусского аориста, которая совершенно понятна для современного читателя, поскольку аллюзивно отсылает к известному выражению *Одним махом сто побивахом (Одним махом семерых побивахом): Одним Авербахом / Всех побивахом!*

4.3. Образование окказиональных грамматических единиц. Использование окказиональных слов принято считать характерной чертой различных жанров, связанных с проявлением комического эффекта (сатирические произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина, пародии И.П.Мятлева, А.Г.Архангельского и т.д.). При анализе лингвистического материала нас в большей степени интересовали те окказиональные лексемы, которые в нестандартной форме одновременно передают и определенные грамматические значения. Так, морфологическое значение женского рода выражается окказиональной лексемой *чижиха* (или, по Г.О.Винокуру, потенциальным словом, являющимся одной из разновидностей окказионализмов): – *Что ж ты, чижик, не поешь, /*

Как певал, бывало? / Нотки верхние – берешь, / Сил еще – немало, / А как прежде – не поешь, / Нет того вокала. / И чижиха вон твоя / Жалуется тоже. (Ю.Ким. «Чижик»).

Комическая реакция иногда обусловлена созданием индивидуально-авторской, окказиональной грамматической формы, которая имеет художественную ценность главным образом в контексте данного произведения. Очевидно, именно таким образом следует интерпретировать окказиональное слово *критикукушка*, созданное способом междусловного наложения, когда на конец одного слова накладывается совпадающее с ним начало другого⁸: *критик* + *кукушка*. Использование окказионализма позволяет автору остроумно обыгрывать различные компоненты его значения – лексического, словообразовательного и морфологического: *Литературная опушка. / На певчих птиц нагнав тоску, / Докучная критикукушка / Критикукует на суку.* (Э.Кроткий. «Критикуку...»).

4.4. Использование грамматических элементов другой языковой системы. Эмоциональную реакцию вызывает употребление наряду с лексическими единицами русского языка элементов другой языковой системы. При этом иноязычные элементы подвергаются трансформации в аспекте грамматического значения и / или с точки зрения формы. Рассмотрим в связи с использованием данного приема фрагмент из юмористического рассказа. Способ структурирования в нем заимствованных из английского языка существительных создает иллюзию наличия у них грамматического признака рода. В составе так называемой макаронической речи каждый из англицизмов получает не свойственный ему признак рода в соответствии с тем грамматическим родом, к которому относится его русский эквивалент (ср.: последнее *time* – время, сущ. ср.р.; наша *family* – семья, сущ. ж.р. и т.д.): *Пишу Вам во второй раз, сколько можно. В последнее time совсем доконали нас соседи своей звукоизоляцией. Хоть мы и научились спать под бубуканье их магнитофона, но наша life дала трещину. К тому же началось у*

⁸ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 209 – 210.

нас в нашей **family** натуральное нервное заболевание – заговариваемся. <...> А мой **child** Kolia таскает теперь по английскому одни *fives*, что тоже свидетельствует о его тя-желом состоянии. (В.Славкин. «Крик души»).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что система средств отражения комического лишь ненамного уступает перечню лексических средств, представляя собой весьма колоритную часть эстетического потенциала морфологии.

MORPHOLOGICAL MEANS OF CREATION OF THE COMIC

© 2008 G.A.Hairutdinova

Kazan State University

The reflection of the category of the comic in literary speech is under investigation in the article. The basis of the taxonomic description of morphological means in the Russian language, offered by the author, consists of the following ways of creation of the comic: the usage of homonymy and contiguous phenomena to it, play up of the meanings of the same linguistic unit, repetition of the word in different grammatical forms (polyptot), divergence from the linguistic norms.